

б) совершенствование института условно-досрочного освобождения от наказания для стимулирования осужденных к исправлению;

7) обеспечение прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений, возмещение причиненного преступлением ущерба (вреда), в том числе посредством внесудебного урегулирования конфликтов;

8) совершенствование порядка исполнения наказаний и иных мер уголовной ответственности.

Анализ реализации концепции показывает, что она явилась тем документом, который оказал своевременное и необходимое влияние на правоприменительную практику в целях обеспечения ее адекватного характера новым вызовам в уголовно-правовой сфере. Судебная и иная правоприменительная практика стала более сбалансированной.

Выше нами отмечалось, что в качестве источника правового регулирования рассматривается и судебный прецедент. Исследователь Н. Ф. Гуцан в своей работе «Судебная практика как источник российского права» приводит интересную точку зрения заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации В. М. Жуйкова, который отмечал, что еще в советский период существовал судебный прецедент и судебное правотворчество.

Судебная практика выражалась в разъяснениях Пленума Верховного Суда СССР и Пленума Верховного Суда РСФСР. В этой связи судебная практика, официально не будучи признанной источником права, все же применялась в качестве ориентира нижестоящими судами. Применительно к судебному прецеденту В. В. Лазарев и С. В. Липень отмечают следующие признаки: казуистичность (он приближен к решению конкретного вопроса), множественность (наличие большого числа инстанций, которые могут создавать прецедент), противоречивость и гибкость. Что касается последнего признака, отметим, что авторы, ссылаясь на наличие противоречий даже между нормативными правовыми актами, констатируют такие противоречия и между актами судебной власти. Они указывают, что не следует удивляться значительным расхождениям между решениями судебных органов, что в этом проявляется гибкость судебного прецедента как источника права. Однако с этим трудно согласиться, тем более нельзя экстраполировать такой взгляд на административный прецедент, который охватывает значительно больший круг граждан, решающих свои проблемы без обращения в судебные инстанции, чем тех, кто разрешал свой спор в суде. И для судебного, и для административного прецедента важно, чтобы решения выносились, как замечают французские ученые Ф. Малори и Л. Айнес, «постоянно в единой логике, по одним и тем же правовым вопросам».

Безусловно, прецедент не может быть каким-то застывшим явлением, его мягкая трансформация возможна с учетом развития общественных отношений, национальной правовой системы, влияние которой он также испытывает. Однако здесь не должно быть полярных решений. А если они и происходят, то должно быть тщательное юридическое обоснование, изучен вопрос о действии принципа не придания обратной силы решению, которое усиливает или устанавливает юридическую ответственность.

Если исходить из этимологического значения слова «прецедент», то оно происходит от латинского «предшествующий», т. е. случай, имевший место ранее и служащий примером при разрешении ситуаций подобного рода. Прецедентом можно считать решение государственного органа (чаще говорят, как отмечено выше, о судебном прецеденте, поэтому имеют в виду постановление суда), которого ранее не было в правоприменительной практике, это решение сохранило свою юридическую силу и является образцом для принятия последующих решений по аналогичным вопросам.

Заключение. Почему важно юридическое признание в национальной правовой системе судебного прецедента? Это желательно сделать потому, что он способствует упорядочению правоприменительной практики, обеспечивает равенство граждан и юридических лиц перед законом, является средством, направленным на определение пределов судейского усмотрения. Прецедент может способствовать единству судебной практики.

УДК 343.21

П. А. Володько

Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», Брест

ПРИНЦИП ЛИЧНОЙ ВИНОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Введение. Уже философы древности задумывались над тем, что такое вина и для чего она нужна. Однако ни одному философскому учению не удалось дать такое определение виновности человека, чтобы юристы могли взять его за точно установленное понятие, как и юриспруденция не может дать определение, которое получило бы всеобщее признание.

Принцип виновной ответственности имеет глубокую гносеологическую и социально-политическую основу. Невозможно обеспечить законность, не соблюдая принципа виновной ответственности. Действительно, о какой личной ответственности может идти речь, если человек причинил своими действиями общественно

опасный результат, не сознавая и не имея возможности этого сознавать, — то ли в силу отсутствия необходимых объективных возможностей (казус), то ли в силу своей невменяемости или малого возраста. Наказание этого лица было бы бесцельным, бессмысленным с позиции не только специальной, но общей превенции.

Впервые понятие вины как психического отношения вменяемого лица к преступному деянию в форме умысла или неосторожности было дано А. А. Пионтковским в учебнике «Уголовное право РСФСР», изданном в 1925 году [1, с. 334].

Российский ученый С. В. Скляр предлагает рассматривать вину не как психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному посягательству, а как оценку судом субъективных признаков преступного деяния. Он пишет, что «вина — это оценка судом степени осознания лицом факта, что его действия (бездействие) нарушают общепринятые правила поведения либо что оно пренебрегает мерами предосторожности при совершении действий (бездействия), которые могут нанести вред окружающим, и степени предвидения им наличия возможности такого предвидения причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам» [2, с. 74].

Как видно, существуют различные взгляды на природу вины, которые противоречат друг другу. В ч. 1 ст. 21 действующего УК Республики Беларусь данное понятие определено следующим образом: «Вина — это психическое отношение лица к совершаемому общественно опасному деянию, выраженное в форме умысла или неосторожности». Это значит, что белорусский законодатель разделяет психологическую теорию вины.

Основная часть. Принцип личной виновной ответственности закреплён в ч. 5 ст. 3 УК Республики Беларусь следующим образом: «Лицо подлежит уголовной ответственности только за те совершенные им общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, предусмотренные настоящим Кодексом, в отношении которых установлена его вина, т. е. умысел или неосторожность. Уголовная ответственность за невиновное причинение вреда не допускается». Это значит, что человек будет подлежать уголовной ответственности только тогда, когда будет доказано, что именно он совершил виновное преступление.

Принцип вины находит отражение во многих институтах Общей части УК Республики Беларусь, например, в понятиях соучастия, покушения, приготовления к преступлению и др. Вина является неотъемлемым элементом каждого состава преступления, предусмотренного Особенной частью УК Республики Беларусь.

Принцип виновной ответственности не сразу стал достоянием уголовного права и практики его применения. Только с середины XVIII века он стал доминировать в уголовном законодательстве европейских государств. Правда, в уголовном законодательстве Англии и сегодня допускается уголовная ответственность без вины за так называемые абсолютные преступления (к их числу, в частности, относятся незаконное владение наркотическими средствами, нарушение правил обращения с взрывчатыми веществами). Однако это скорее исключение из общего правила, обусловленное традициями и особенностями англо-саксонской системы права и правосудия.

Уголовная ответственность носит сугубо личный характер в том смысле, что может возлагаться только на лицо, которое совершило преступное деяние или соучаствовало в совершении преступления с другим лицом. Требование персонализации уголовной ответственности за совершенное преступление было выдвинуто еще в период французской буржуазной революции. В современном понимании указанный принцип исключает возможность привлечения к уголовной ответственности близких родственников и членов семьи лица, совершившего преступление, если они не были причастны к преступлению (не являлись его соучастниками) и при этом не совершали иных предусмотренных уголовным законом преступлений.

Сфера уголовной ответственности не должна распространяться на членов семьи виновного или его близких лиц, не причастных к совершению преступления. Этот принцип распространяется и на имущество лица, когда возникает необходимость назначить дополнительное наказание в виде конфискации имущества. В ч. 1 ст. 61 УК Республики Беларусь четко оговорено, что при конфискации изымается в собственность государства все или часть имущества, являющегося собственностью осужденного.

К сожалению, история национального уголовного законодательства преподносит и иные примеры, когда допускалась уголовная ответственность не только самого преступника, но и членов его семьи. Еще не так давно (в 20—50-е годы XX века) массовым репрессиям подвергались все члены семьи осуждаемого за политическое преступление. Так, в УК БССР 1928 года имелась ст. 633, которая предусматривала лишение избирательных прав и ссылку в отдаленные районы Сибири на пять лет совершеннолетних членов семьи лица, совершившего измену Родине, если они совместно с ним проживали или находились на его иждивении к моменту совершения преступления [3, с. 140]. Эта норма была введена в 1934 году в самый разгар сталинских репрессий. Трагическим последствием ее введения явилось «законодательное оправдание» уголовной ответственности даже формально невиновных жен, детей и других близких родственников граждан, незаконно осуждаемых за измену. В те времена, когда фактически были попорны все демократические принципы, не возникало и речи о принципе личной уголовной ответственности.

Принцип виновной ответственности непосредственно связан с принципом субъективного вменения, воспринятым нашим современным уголовным законодательством. Он означает, что нет преступления и нет ответственности без вины, в отличие от принципа объективного вменения, предполагающего наказание лица лишь по факту совершения деяния и причинения им общественно опасных последствий, даже если вред не связан с его волей и сознанием. Принцип виновной ответственности, или субъективного вменения, вовсе не означает, что требование объективного вменения как одного из оснований уголовной ответвен-

ности утрачивает свою значимость. Человек не может и не должен нести уголовную ответственность за свои мысли и намерения, какими бы гнусными и опасными они не были, если они реально не воплотились в общественно опасном деянии. Субъективное вменение как ответственность за мысли и намерения уголовным правом не допускается. Преступлением признается лишь такое общественно опасное и запрещенное уголовным законом деяние, которое совершено виновно, т. е. умышленно или по неосторожности. В УК Республики Беларусь достаточно четко сформулированы виды умысла и неосторожности (ст. 22 и 23), а также определено понятие невиновного причинения вреда (случая), исключающего уголовную ответственность (ст. 26). Такие подходы законодателя полностью исключают объективное вменение, т. е. ответственность лица за его действия, связанные с причинением вреда, но при отсутствии его вины.

По мнению белорусского ученого В. М. Хомича: «Для индивидуализации уголовной ответственности психологическая концепция вины, принятая в отечественном уголовном праве и практике правосудия по уголовным делам, недостаточна. Если при индивидуализации меры уголовной ответственности суд будет исходить только из психологической природы вины на основе оценки социальных факторов, предопределивших преступное поведение, то правосудие всегда (желает оно этого или же не желает) будет склоняться к жестко возмездным началам» [4, с. 138].

Нельзя не согласиться с утверждением, что реализация принципа личной виновной ответственности в законе состоит в том, что в уголовном кодексе в полной мере должны быть регламентированы вопросы, связанные с определением понятия вины. Логичен вывод и о том, что при конструировании любого состава преступления необходимо четко определить этот обязательный признак субъективной стороны. В законе должно быть прямо указано, каким является данное преступление — умышленным или неосторожным; с каким видом умысла или неосторожности совершается данное посягательство. Неполное описание этих признаков повлечет нарушение указанного принципа.

Заключение. Принцип личной виновной ответственности, закрепленный в УК Республики Беларусь, следует рассматривать как основу субъективного вменения при решении вопроса о привлечении виновного к уголовной ответственности. Вместе с тем не утрачивает своего значения и объективное вменение, поскольку намерения лица, если они реально не воплотились в общественно опасном деянии, не могут быть наказуемы. Принцип виновной ответственности — ключ к пониманию всех возможных вариантов фактической и юридической ошибок, допущенных субъектами преступления. Это играет важную роль для осуществления задач всего уголовного права, в частности, для защиты прав граждан. На основании данного принципа решаются и другие сложные вопросы: об ответственности лица, об издании нового уголовного закона, а также проблема обратной силы уголовного закона. Указанный принцип объединяет в себе два аспекта: личная ответственность и виновная ответственность.

Список источников

1. Герцензон, А. А. Уголовное право. Общая часть / А. А. Герцензон ; под науч. ред. В. Д. Меньшагина. — М. : М-во юстиции СССР, 1948. — 575 с.
2. Складов, С. Проблемы определения понятия вины в уголовном праве России / С. Складов // Уголовное право. — 2003. — № 2. — С. 74—76.
3. Звечаровский, И. Э. Уголовная ответственность: понятие, виды, формы реализации / И. Э. Звечаровский. — Иркутск, 1992. — 210 с.
4. Хомич, В. М. Уголовно-правовая характеристика и криминологическая оценка системы уголовных санкций в Республике Беларусь / В. М. Хомич. — Минск : Тесей, 2001. — 447 с.

УДК 343.2

А. С. Герасимук

Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», Брест

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС МАЛОЛЕТНЕГО ЛИЦА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Введение. Правовой статус личности — комплекс прав, свобод, обязанностей, гарантий реализации прав и ограничение прав, предусмотренных конституцией, законами и международными обязательствами государства [1].

Правовой статус человека определяет его место и роль в государстве и обществе.

Проблема защиты прав и свобод личности широко обсуждается в теории и практике уголовного права. Как правило, в отраслевой науке внимание уделяется исследованию конкретных форм и средств защиты, таким образом, разрабатывается решение главной современной проблемы прав человека — обеспечения реализации гарантированных Конституцией Республики Беларусь прав и свобод личности [2].